

Историк Е. Н. Городецкий и кампания по борьбе с «безродным космополитизмом»¹

Аннотация: в статье на примере судьбы известного историка Е. Н. Городецкого анализируются методы ведения идеологической кампании по борьбе с «безродными космополитами». На основе информации широкого круга источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, показан непосредственный ход кампании (как проходили проработки в разных научных и учебных центрах, как осуществлялась критика «группы Минца-Разгона-Городецкого»). В итоге выявлено влияние этой кампании на состояние отечественной исторической науки и сделан вывод о том, что она способствовала изменению мировоззрения у части интеллигенции, переходу ее представителей на антисталинские позиции.

Ключевые слова: история, идеологические кампании, сталинизм, космополитизм, советская историческая наука, Е. Н. Городецкий, И. И. Минц, А. Л. Сидоров, идеология, МГУ.

Послевоенное время традиционно связывают со стабилизацией советской системы, а также с изменением международного статуса СССР, ставшего сверхдержавой. Эти два фактора определяли вектор развития советской внутренней политики, которая характеризовалась очень высокой «плотностью» идеологических кампаний. Причину этого исследователи видят в стремлении вождя и выращенной им номенклатуры мобилизовать общество в условиях не только международной¹ напряженности, но и роста внутреннего свободомыслия, порожденного победой в Великой Отечественной войне².

Особенно власти беспокоила интеллигенция; именно на нее были обрушены самые сильные удары, чтобы поставить ее под контроль. Причем зачастую били по самым авторитетным представителям науки и культуры: знаменитым писателям, академикам, выдающимся ученым с целью запугать самих лидеров и показать силу системы другим, менее значимым фигурам.

Еще одной немаловажной причиной было стремление партии и правительства «выпустить пар», накопившийся в сфере социальных отношений. Несмотря на все пропагандистские лозунги, жизнь в стране принципиально не улучшалась. Поэтому прибегали к борьбе с внутренним врагом —

хорошо известному способу переключения внимания населения с реальных проблем на идеологические. Простые граждане со злорадством восприняли разгром представителей интеллигенции, которые стояли на социальной лестнице заметно выше и, следовательно, жили лучше³. Существовал латентный конфликт и внутри интеллигенции: те, кто находился на вершине, получили отдельные квартиры, хорошие зарплаты и все блага «советской цивилизации», в то время как рядовые работники «интеллектуального фронта» продолжали ютиться в коммуналках и жить от зарплаты до зарплаты. Частота идеологических кампаний, видимо, была связана и с тем, что власть прекратила широкомасштабные репрессии, сопровождавшиеся арестами и расстрелами. Теперь их применяли дозированно. Несмотря на существовавшее в стране недовольство, И. В. Сталин и партаппарат как никогда твердо стояли у власти. Аресты были заменены судами чести, а расстрелы — убийственной критикой коллег.

Важную роль играл и внешнеполитический фактор⁴. На смену сотрудничеству стран-союзниц по антигитлеровской коалиции пришла конфронтация. Уже прозвучала знаменитая речь У. Черчилля в Фултоне и последовавший на нее советский ответ. Мир все больше втягивался в «холодную войну». Новая мировая конфигурация сил толкала власти к очередной «мобилизации интеллекта»:

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

² Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009. С. 117; Наджафов Д. Г. Введение // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. М., 2005; Сонин А. С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011, и др.

³ Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М., 2008.

⁴ Сидорова Л. А. Внешнеполитический фактор развития советской исторической науки в середине XX века // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С. Л. Тихвинского. М., 2008.

советские ученые и деятели культуры вновь были «призваны» государством и партией на борьбу на идеологических фронтах. Внешнеполитические факторы все отчетливее проявлялись и во внутренней политике: подверглись критике журналы «Звезда» и «Ленинград», была «разоблачена» вредительская деятельность Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскина и т. д.

13 августа 1947 г. в «Правде» вышла статья первого заместителя начальника (а затем и начальника) Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС Д. Т. Шпилова «Советский патриотизм». Он утверждал, что теперь не СССР догоняет развитые западные страны, а «странам буржуазных демократий, по своему политическому строю отставшим от СССР на целую историческую эпоху, придется догонять первую страну подлинного народовластия»⁵. Такое заявление предполагало вывод о самодостаточности советской и русской истории и культуры, что и стало «методологической» основой будущих идеологических кампаний.

В современной исторической литературе нередко встречается мнение, что все идеологические кампании послевоенного времени следует рассматривать как одно явление, не делая между ними принципиальной разницы. В исследованиях часто так и указывается — «кампания по борьбе с «буржуазным объективизмом» и «космополитизмом»». К примеру, А. С. Сонин объединяет все кампании в одну — антикосмополитическую, исходя из того, что они подчинялись схожим идеологическим установкам и реализовывались одними и теми же методами⁶. Однако это не так. Кампании можно сравнить со снежным комом: последующие вбирали в себя идеологемы предыдущих, но акценты в них все же смещались. Если этого не учитывать, то можно сделать ошибку, схожую с той, которую совершил А. С. Сонин, трактовавший критику работ А. И. Яковлева и С. Б. Веселовского как борьбу с космополитизмом. Между тем, указанным историкам ни разу не вменялся в вину космополитизм, их работы громили за «буржуазный объективизм»⁷.

Таковы основные черты идеологических кампаний ряда послевоенных лет. Общий их контекст более или менее ясен, но вот как все это реализовывалось на уровне республики, региона, культурной или научной отрасли — до сих пор не вполне понятно. Разобраться в сложившейся ситуации способен помочь микроисторический подход, при

котором перипетии кампаний прослеживаются через судьбы всех ее участников (как погромщиков, так и жертв), а в центре внимания исследователя оказываются субъективное восприятие и осмысление событий, а также стратегия выживания в сложившихся условиях. В статье мы попытаемся осуществить реконструкцию судьбы известного историка Е. Н. Городецкого в контексте кампании по борьбе с космополитизмом.

Ефим Наумович Городецкий (1907-1993) — фигура знаковая для советской исторической науки. В годы, когда изучение истории советского общества было строго ограничено идеологическими рамками, он сумел сохранить известную долю свободы в суждениях. Трудно было найти лучшего знатока документов по истории СССР. Многие его работы представляют не только историографический интерес (как памятник своего времени): они востребованы и современными специалистами. В условиях советского времени такая личность не могла не подвергнуться нападкам. Наверное, самым тяжелым эпизодом для Городецкого стала кампания «борьбы с безродными космополитами». В историографии его судьба в контексте этой идеологической кампании еще не стала предметом подробного изучения. Только в монографии А. Л. Юрганова этой теме уделено определенное внимание⁸. В других исследованиях можно найти лишь отрывочные сведения. Меж тем кампания не только оказала решающее влияние на профессиональную жизнь ученого, но и радикально изменила его мировоззрение.

До 1949 г. карьера историка складывалась вполне успешно. Во многом это было связано с безупречным пролетарским происхождением: в детстве работал подмастерьем столяра. В 1931 г. Городецкий окончил историко-этнологический факультет Московского государственного университета (МГУ), затем — аспирантуру Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ); в 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Центральная Рада». Еще в 1933 г. его пригласили в редакцию «Истории гражданской войны в СССР», где он под руководством И. И. Минца готовил к публикации документы.

Однако случались и неприятные эпизоды. В 1940 г. молодой историк и его коллега М. А. Москалев допустили некоторые ошибки в изложении истории Бакинской организации РСДРП в статьях, опубликованных в ведущих периодических изданиях — журнале «Историк-марксист» и газете «Правда». Вслед за Москалевым Городецкий утверждал

⁵ Шпилов В. Т. Советский патриотизм // Правда. 1947. 13 августа.

⁶ Сонин А. С. Борьба с космополитизмом...

⁷ Тихонов В. В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М., 2012. С. 302–317.

⁸ Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 614–622.

в «Правде», что Бакинская организация была «неприступной крепостью большевизма». Обе статьи прочел И. В. Сталин и написал письмо, которое было направлено членам Политбюро, в редакции «Историка-марксиста» и «Правды», а также авторам, где поправил их: Бакинская организация была крепостью не большевизма, а меньшевизма⁹. Особенно много ошибок допустил Москалев. Он назвал Сталина редактором газеты «Гудок», приписал членство в Бакинской организации ряду известных революционеров и советских деятелей, в частности К. Е. Ворошилову. Собственно, его ошибки и повторил Городецкий. В своем письме Сталин подчеркивал: «Вывод: нельзя искажать историю большевизма, — это недопустимо, это противоречит званию и достоинству большевистских историков»¹⁰. В данном случае «вождь народов» проявил скромность и приверженность исторической правде. По воспоминаниям ученого, письмо ему вручили лично: поздно ночью его принес майор НКВД. Впрочем, последствий эта история не имела.

Участвовал Е. Н. Городецкий и в написании (под руководством И. И. Минца) 2-го тома «Истории гражданской войны», за что в составе авторского коллектива был удостоен Сталинской премии (1943). С 1942 г. он стал лектором ЦК ВКП(б), получил должность заместителя заведующего отделом науки Управления пропаганды и агитации. Историк побывал и на фронтах Великой Отечественной войны: был старшим политруком, имел награды за оборону Сталинграда, Москвы, Кавказа, а также «За доблестный труд в Отечественной войне»¹¹. Преподавал в МИФЛИ, а затем и в МГУ имени М. В. Ломоносова. По воспоминаниям учеников, его лекции никогда не превращались в пересказ директивно спущенных догм, а представляли собой целостное и по возможности концептуальное осмысление советской истории¹².

Казалось бы, ничто не могло поколебать столь успешного профессионального старта, но очередные крутые повороты внутренней и внешней политики Советского государства непосредственным образом отразились на судьбе ученого.

Одной из самых шумных кампаний стала борьба с «буржуазным объективизмом». Советскую про-

паганду беспокоили не только симпатии советской интеллигенции к западным странам, но и влияние представителей «буржуазной науки» на советскую науку, в первую очередь гуманитарную. Под запретом оказывались как американские и западноевропейские, так и отечественные дореволюционные ученые. От представителей интеллектуальных профессий требовали партийной принципиальности, нетерпимости к наследию «буржуазных» предшественников, трудам зарубежных коллег. Каждый советский ученый должен был понимать, что наука — это еще и политика. Зримым проявлением борьбы с объективизмом стало обсуждение книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии».

Как работник Отдела пропаганды и ученым-коммунист Городецкий активно участвовал в развернувшихся кампаниях: публиковал статьи в директивных органах печати, где требовал мобилизовать все ресурсы для выполнения 5-летнего плана в сфере исторической науки¹³. В ходе обсуждения книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» Городецкий выступал одним из главных разоблачителей. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами истории СССР 15-20 марта 1948 г., прошедшем в Москве и посвященном разгрому исследования Рубинштейна, он обвинял автора в «выпячивании» немецких историков и их роли в русской исторической науке, в «буржуазном объективизме», а также многих других «грехах». Рубинштейн отвечал с достоинством, напоминая, что еще несколько лет назад Городецкий, являвшийся тогда сотрудником кафедры истории СССР МГУ, не возражал против публикации его монографии¹⁴. Участие Городецкого можно объяснить не столько личными убеждениями, сколько должностным положением: должность работника Отдела пропаганды и ученого-коммуниста обязывала. Но специфика советских идеологических кампаний в том и заключалась, что никто не был застрахован от удара, и вскоре Городецкий почувствовал это на себе.

В декабре 1948 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья с призывом к советским историкам бороться с проявлениями буржуазной идеологии¹⁵. В 1949 г. началась кампания по «борьбе с безродными космополитами». Сама кампания в центральной прессе оказалась скоротечной: она проходила всего несколько месяцев,

⁹ Письмо И. В. Сталина М. А. Москалеву, Е. Н. Городецкому, членам Политбюро. 10 февраля 1940 г. // И. В. Сталин. Историческая наука в СССР в 1920–1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и материалов. Ч. I. 1920–1930-е годы / Сост. М. В. Зеленов. СПб., 2006. С. 468–470.

¹⁰ Там же. С. 470.

¹¹ Научный архив ИРИ РАН. Личное дело Е. Н. Городецкого.

¹² Лавров В. М. Ученый, наставник, человек (Чтения памяти Е. Н. Городецкого) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 362.

¹³ Городецкий Е. О пятилетнем плане Института истории АН СССР // Культура и жизнь. 1946. 26 июля.

¹⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ (Далее — НИОР РГБ). Ф. 521 (Н. Л. Рубинштейн). К. 1. Ед. хр. 12. Л. 1–2 об.

¹⁵ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1948. № 12.

с зимы по весну 1949 г. Уже начиная с лета, главным врагом Советского Союза были объявлены «Тито и его клика»¹⁶.

Особенностью борьбы с «космополитизмом» являлось то, что каждый, вне зависимости от ранга или заслуг, мог оказаться под огнем критики. Особый «интерес» вызывали лица еврейской национальности, в чем проявился личный антисемитизм «отца народов», подогретый внешнеполитическими промахами (например, образование неподконтрольного СССР государства Израиль), и традиционные антисемитские настроения среди широких слоев общества и партийной номенклатуры.

Механизм проработок был следующим: решения принимались в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), которым в то время заведовал М. А. Суслов. Видимо, активное участие в них принимал и сам И. В. Сталин, всегда живо интересовавшийся (а послевоенное время особенно) вопросами идеологии. По советской традиции тех лет сигнал к началу проработок давался в одной из центральных газет («Правда», «Культура и жизнь» и «Литературная газета»). 28 января 1949 г. в «Правде» появилась статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», давшая начало общесоюзной кампании. Основной удар пришелся по представителям интеллигенции еврейского происхождения. Искали (и находили) группы «космополитов», поскольку тяжесть коллективного преступлений увеличивала вину каждого участника. В исторической науке такой группой стала «группа Минца», куда были «записаны» многие советские историки еврейского происхождения. Главной целью кампании была мобилизация как всего населения, так и отдельных интеллектуальных групп. Кроме того, проходившие процессы должны были укрепить молодое поколение в верности советскому строю, наглядно показав, что все зависит от власти и преданности ей.

До исторической науки волны кампании докатились не сразу. Еще в первом номере «Вопросов истории» за 1949 г. появилась статья (первоначально доклад, сделанный в Ленинграде на заседании Отделения истории и философии АН СССР) И. И. Минца¹⁷, где автор, восхваляя значение работ В. И. Ленина и И. В. Сталина для советской историографии, между прочим, писал: «Работами Е. Н. Городецкого, Э. Б. Генкина, И. М. Разгона, Н. А. Корнатовского, О. А. Шекун и др. положено начало изучению советского периода истории на-

шей страны»¹⁸. Эта невинная фраза стала одним из главных пунктов обвинения в адрес Минца и «его группы». Любопытно отметить, что статья, прежде чем быть напечатанной, была отправлена на рецензию именно Городецкому. Он дал в целом положительный отзыв, но указал и на ряд, с его точки зрения, недостатков: «Необходимо устранить повествовательный характер статьи (доклада). Все суждения должны быть подчинены задачам современной исторической науки. Объемы имен следовало бы снять, заменяя их отраслями науки или трудов»¹⁹. Рекомендация максимально обезличить описание достижений советской исторической науки, как покажут последующие события, окажется очень разумной. Но Минц не пошел на такой шаг.

Видя накаляющуюся обстановку, Е. Н. Городецкий в 1949 г. ушел (или был уволен) из Отдела пропаганды и агитации, но продолжал преподавать в МГУ имени М. В. Ломоносова и Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) (ВППШ). Именно здесь его застали начавшиеся проработки. 25 февраля в Институте истории прошла сессия, на которой В. Т. Круть и Х. Г. Аджемян потребовали искоренить антипатриотические настроения в среде советских историков. Главными носителями этих настроений были названы Н. Л. Рубинштейн, И. И. Минц и «их защитник и покровитель» Городецкий²⁰. 3–4 марта общее партийное собрание прошло в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (АОН). На нем заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации Ф. М. Головенченко сделал доклад «О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте»²¹. «Несколько часов подряд высокие чины, а потом и преподаватели в унисон ругали “космополитов”, которые “пробрались” в историческую науку, окопались на истфаке МГУ, разлагают молодежь». Особенно досталось Минцу. Прозвучал призыв «забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней — Разгона, Городецкого, Завича, Зубока...»²².

Центром антикосмополитической борьбы стал исторический факультет Московского университета, где главным ее организатором был А. Л. Сидоров. Он стремился занять лидирующие позиции

¹⁸ Там же. С. 14.

¹⁹ Архив Российской академии наук (далее: АРАН). Ф. 1690 (И. А. Кудрявцев). Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 29.

²⁰ Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 548.

²¹ Булыгина Т. А. Общественные науки в СССР 1945–1955 гг. М., 2000. С. 28.

²² Лельчук В. С. Уроки Городецкого (к 90-летию со дня рождения) // Отечественная история. 1997. № 1. С. 122.

¹⁶ Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 119.

¹⁷ Минц И. И. Ленин и развитие советской исторической науки // Вопросы истории. 1949. № 1. С. 3–15.

в советской исторической науке, чему мешал в первую очередь И. И. Минц. Именно на разгром его «команды» был направлен основной удар критики. Примешивались сюда и нотки личной неприязни. В 1947 г. Сидоров написал разгромную статью на курс лекций Минца²³. В дальнейшем он характеризовал Минца как «паразитический тип» и признавал своей заслугой то, что «выставил его из университета»²⁴. Поскольку Городецкий считался человеком, близким к Минцу, то удар обрушился и на него.

3 марта 1949 г. прошло партийное собрание исторического факультета МГУ, где Сидоров выступил с разгромной критикой «группы Минца», куда причислил и Городецкого. В докладе он указал на недопустимость проникновения «буржуазного безродного космополитизма» в историческую науку, поскольку «в современной обстановке идеи буржуазного космополитизма в науке... являются идеологическим оружием американского империализма»²⁵. В чем же заключался «грех» космополитизма? «Всякое протаскивание идей буржуазного космополитизма в историческую науку, принижение роли русского народа в мировой истории..., стремление ослабить чувство советского патриотизма, принизить достижения советского хозяйства, советской культуры, советской науки — являются проявлением враждебной деятельности против нашей Родины в интересах врагов нашей социалистической страны»²⁶, — громогласно заявил Сидоров. Заметим, что при желании каждый мог быть подведен под эти обвинения. Минц, по мнению Сидорова, — зримое проявление всех перечисленных пороков, «наиболее типичный выразитель и проводник взглядов буржуазного космополитизма»²⁷. Ошибок у Минца слишком много, чтобы это было случайностью: искажение фактов, «смазывание значения Октябрьской социалистической революции как в исторических судьбах нашего народа, так и в истории всемирной». Были и более страшные «преступления»: «Важнейшие вопросы, поставленные товарищем Сталиным по истории советского общества, товарищ Минц в своей работе не отразил»²⁸. И, наконец, касаясь статьи «Ленин и развитие советской историче-

ской науки», Сидоров говорил, что «венцом надругательства над советской наукой, над трудами Ленина и Сталина, является совершенно недопустимое вражеское заявление, что основоположниками по изучению советского периода являются Разгон, Городецкий и др... Ни Ленин, ни Сталин, ни их работы являются основным фундаментом научной истории советского периода, а работы Минца и членов его группы»²⁹. Справедливости ради, заметим, что в самой статье всячески выпячивалось значение работ Ленина и Сталина, а далеко идущие выводы делались на основе всего двух слов о работах Е. Н. Городецкого, Э. Б. Генкиной, И. М. Разгона, Н. А. Корнатовского, О. А. Шекун: ими «положено начало» изучению советской истории. Очевидно, что это лишь повод.

«Группа Минца» была обвинена в монополизации изучения и преподавания истории советского периода. Более того, по словам Сидорова, она сознательно тормозила становление молодых кадров специалистов по советской истории. Конкретно Городецкого оратор обвинил в том, что тот «вышел из школы Минца и не проявил активности в разоблачении его, а скорее прикрывал Минца и его группу от критики»³⁰. Любопытно отметить, что из всей «группы Минца» на собраниях присутствовал только Городецкий: остальные под разными предлогами не пришли. От Ефима Наумовича Сидоров потребовал, чтобы тот четко определился в своем отношении к Минцу³¹.

11, 14 и 16 марта в АОН прошло расширенное заседание кафедр истории СССР, всеобщей истории и истории международных отношений³², где звучали уже апробированные обвинения, хотя фигура Городецкого и не находилась в центре работ.

15 марта в стенгазете исторического факультета Московского университета появилась статья, где звучал призыв «до конца искоренить космополитизм в исторической науке — Минца, Разгона, Городецкого, Верховеня и др.»³³. Сам Городецкий всячески пытался отмежеваться от Минца. На мартовских собраниях на истфаке он признавал, что, критикуя Минца, не смог вскрыть его вредительской деятельности в области исторической науки³⁴. В то же время он старался показать необо-

²³ Сидоров А. Л. Рец. на кн.: Минц И. История СССР (апрель 1917–1925). Лекции в Высшей партийной школе. М., 1947 // Культура и жизнь. 1947. № 33.

²⁴ Сидоров А. Л. Институт красной профессуры // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 400–401.

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 632 (А. Л. Сидоров). К. 21. Ед. хр. 2. Л. 151.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 154.

²⁸ Там же. Л. 159.

²⁹ Там же. Л. 162–163.

³⁰ Там же. Л. 174.

³¹ Там же. Л. 173.

³² Сонин А. С. Борьба с космополитизмом... С. 547–549.

³³ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 3. С. 147.

³⁴ Поляков Ю. А. Это называлось борьбой с космополитизмом (1949) // Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 315–316.

снованность прозвучавших обвинений, «то и дело сам переходил от обороны к нападению, в частности на А. Л. Сидорова, указывая на его собственные ошибки в трактовке советской истории»³⁵. Конечно же, это не помогло.

17 марта Городецкий читал лекцию, где присутствовал С. С. Дмитриев, который записал свои впечатления в дневнике. Первое, что бросилось Дмитриеву в глаза: Городецкий страшно похудел. Он понимал опасность своего положения, поэтому нервничал. После лекции к нему пришло две записки. В одной был вопрос: согласен ли он с М. В. Нечкиной в том, что либерализм никогда не был прогрессивен в истории России. Городецкий ответил, что согласен. Второй вопрос носил явно провокационный характер: «Как быть с курсом ваших лекций, что нужно исправить в связи со вскрытием космополитических извращений?»³⁶. Городецкий вынужден был идти по проверенному пути — соглашаться с критикой. «В моих лекциях, изданных в ВПШ, есть крупные ошибки. Я их подвергну критике. В настоящей лекции плохо, что не дана связь между русской культурой и развитием культуры других народов России»³⁷, — ответил в духе самокритики лектор. В тот же день на закрытом партийном собрании исторического факультета была принята резолюция, в которой говорилось, что «наиболее ярким проявлением антипатриотической деятельности на Истфаке является деятельность академика Минца и его группы (Минц, Разгон, Городецкий)»³⁸.

Несколько иначе обстановку, сложившуюся вокруг Городецкого, описывал спустя много лет его ученик, тогда староста группы истфака МГУ В. С. Лельчук. Он так вспоминал об одной из лекций историка: «Подойдя, как обычно, к кафедре, он повернулся лицом к аудитории, и мы впервые увидели на лацкане его пиджака значок лауреата Сталинской премии: человек открыто, с большим достоинством защищает свое кредо, отстаивает свои взгляды... по сей день я слышу те долгие дружные аплодисменты, которыми наш курс приветствовал Городецкого»³⁹. За эти аплодисменты деканат начал проверку курса, но все обошлось. Спустя много лет Лельчук узнал, что тогда всю вину взял на себя К. Н. Тарновский.

Общая беда объединяла. В. С. Лельчук рассказывал, что в это же время был арестован отец Н. Я. Эйдельмана, в будущем известного историка.

³⁵ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001. С. 263.

³⁶ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева... С. 148.

³⁷ Там же.

³⁸ НИОР РГБ. Ф. 632. К. 21. Ед. хр. 2. Л. 116.

³⁹ Лельчук В. С. Уроки Городецкого... С. 122.

Когда студенты рассказали об этом Городецкому, тот призвал их поддержать товарища всеми силами⁴⁰. Несмотря на поддержку части студенчества, Городецкий вынужден был прекратить чтение лекций по истории СССР. Его заменил Л. Н. Бычков⁴¹.

По результатам заседаний партийное собрание истфака приняло постановление, в котором просило ректорат отстранить от чтения лекций обвиненных в космополитизме преподавателей, в том числе Городецкого⁴². Просьба была удовлетворена. За опального историка пыталась выступить его ученица Л. М. Зак, написавшая статью в защиту своего учителя⁴³. Она выступила против его критиков, обвинив их в поверхностности и недобросовестности: «Эти люди даже не потрудились прочесть написанное Городецким»⁴⁴. Все их обвинения, по ее мнению, были основаны на подтасовках; более того, сам Сидоров долгое время сотрудничал с Минцем, почему же он не указал на его вредительскую деятельность? Но статью так и не опубликовали, так как было очевидно, что это не поможет. Кроме того, Л. М. Зак должна была защищать кандидатскую диссертацию, поэтому ввязываться в борьбу ей было крайне опасно.

Не менее тяжелым были проработки в марте и в ВПШ. Там несколько дней шло партийное собрание, посвященное борьбе с космополитами, где Е. Н. Городецкий стал центральной фигурой. С резкой критикой на него выступил некто доцент Дацюк, проанализировавший на предмет идеологического соответствия его лекционные курсы, посвященные отечественной истории конца XIX — начала XX в. Дацюк обнаружил в них «вопиющие» ошибки. Он утверждал, что «Городецкий изображает весь этот период нашей отечественной истории с антипатриотических позиций, изображает историю России в приниженном, а подчас прямо фальсифицированном виде»⁴⁵. Даже предмет истории Городецкий понимает, якобы, извращенно, не так как Сталин. Вместо анализа производительных сил показывает «историю царизма, царских мини-

⁴⁰ Лавров В. М. Ученый, наставник, человек (Чтения памяти Е. Н. Городецкого) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 362.

⁴¹ Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева... С. 149.

⁴² Служебная записка сектора ВУЗов Агитпропа ЦК Д. Т. Шепилову об итогах закрытых партийных собраний в МГУ, посвященных борьбе с космополитизмом // Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы. М., 2005. С. 369.

⁴³ АРАН. Ф. 2055. (Е. Н. Городецкий). Оп. 1. Д. 72. Л. 45–54. Большие отрывки из статьи опубликованы в кн.: Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 620–622.

⁴⁴ Цит. по: Юрганов А. Л. Русское национальное государство. С. 620.

⁴⁵ АРАН. Ф. 1692. (Ф. В. Потемкин.) Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 50б.

стров»⁴⁶. Но самое страшное заключается в том, что автор систематически стремится принизить русскую историю, подробно описывая негативные явления и лишь бегло упоминая прогрессивные.

Непростительные ошибки допущены Городецким и в освещении такой важной проблемы, как история национальных движений. Обвиняемый описывал лишь угнетение царизмом национальных окраин и не касается прогрессивных моментов пребывания народов в составе России: «Никакого показа идеи дружбы народов, важного тезиса, что русский народ был защитником и другом народов, населявших Россию»⁴⁷. Такая позиция, по мнению Дацюка, является сугубо буржуазно-националистической. Более того, Городецкий вообще принижал все русское, особенно культуру и экономическое развитие. Например, он утверждал, что Россия даже после отмены крепостного права стояла по производству хлеба ниже Алжира. Москву он изображает как большую деревню. Даже на парижской выставке, в изображении автора лекций, русским не нашлось чем похвастаться, кроме павильона винной монополии.

Дальше — хуже. Городецкий стремился умышленно «унизить ленинизм», поскольку не показал, что «центр мирового революционного движения переместился в Россию»⁴⁸. Как космополит он «старается лишить рабочее движение его национальных истоков»⁴⁹. Наконец, Городецкий всячески помогал Минцу в его преступной деятельности: «Мы видим, что Городецкий никогда не боролся против Минца в тех учреждениях, где проводился зажим научных кадров, торможение роста науки, осуществлялась эта отвратительная монополия. Городецкий смотрел не только равнодушно, но прямо участвовал в этом»⁵⁰. Более того, на лекции в Московской областной партийной школе он положительно отзывался о Минце.

Выступавший критиковал и других членов кафедры истории СССР, в частности К. В. Базилевича. В конце, согласно ритуалу, Дацюк попенял себе в том, что не сумел целенаправленно вести борьбу против Минца и Городецкого. С Дацюком оказался солидарен Насырин, добавивший, что Городецкий не показал влияние русской культуры на западную⁵¹. Доцент Якунин гневно говорил о том, как «Городецкий тормозил работу историков союзных республик. Он мешал разоблачению буржу-

азных националистов, не реагировал на сигналы об извращениях в разработке истории казахского народа. В результате этого появилась вредная книга «История Казахстана», целиком направленной против русского народа»⁵².

Наконец, очередь дошла и до самого Е. Н. Городецкого. Он попытался опровергнуть все обвинения. Для этого был выбран, казалось бы, единственно верный путь: он сам обрушился с критикой на Минца. Городецкий вынужден был выступить против человека, которому во многом был обязан своей профессиональной карьерой. На вопрос-требование Сидорова, прозвучавший в МГУ, об определении отношения к Минцу Городецкий дал публичный ответ. Он утверждал, что давно боролся с космополитизмом Минца, но в то же время признал, что недостаточно его критиковал. С разбором его лекций Дацюком он не согласился категорически. Не показывал прогрессивных явлений? Это потому, что на период выпало «две большие полосы реакции». «Я никуда от этого уйти не мог. Должен ли я был смягчить? Нет, не должен»⁵³, — заявлял Городецкий. Да, действительно, русской культуре уделено мало места, но никакого принижения допущено не было. Более того, в подобных изданиях других авторов такого раздела не было вообще. Вот с промышленной выставкой в Париже, действительно, получилось не очень хорошо. Не показаны достижения науки? Это потому, что в российском обществе из-за узкоклассовой политики царизма не было предпосылок для того, чтобы изобретения нашли должное применение. «Были вопиющие противоречия, которые могла преодолеть Октябрьская социалистическая революция»⁵⁴. Извращается предмет исторической науки. Ничего подобного, в курсе много лекций, посвященных вопросам развития производительных сил. Городецкий подытожил: «Я хочу показать, какими методами критикует меня Дацюк, какие это нечестные, недопустимые в партийной практике методы»⁵⁵. Он потребовал расследования деятельности Дацюка и защиты от его клеветы.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что в ходе дискуссий в ВПШ отчетливо выделились две группы: тех, кто стремился ограничиться только повторением уже прозвучавшей критики, и тех, кто, как доцент Дацюк, хотели вывести критику на новый уровень, предъявить новые, еще более острые обвинения. Итоги собрания были подведе-

⁴⁶ АРАН. Ф. 1692. (Ф. В. Потемкин.) Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 7.

⁴⁷ Там же. Л. 11об.

⁴⁸ Там же. Л. 9б.

⁴⁹ Там же. Л. 10.

⁵⁰ Там же. Л. 12об.

⁵¹ Там же. Л. 72.

⁵² Патриотизм — животная сила советской науки // Сталинец. 1949. 26 марта.

⁵³ АРАН. Ф. 1692. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 79.

⁵⁴ Там же. Л. 81.

⁵⁵ Там же. Л. 84.

ны в газете «Сталинец» — органе ВПШ, добавившей драматизма в повествование. В издании подчеркивалось, что члены кафедр были до глубины души возмущены деятельностью Минца и его приспешников, среди которых оказался и сотрудник ВПШ Е. Н. Городецкий, отказавшийся признать свою вину.

Ефим Наумович продолжил сопротивление: 29 марта он направил письмо в партийный комитет ВПШ, в котором попытался отвести от себя обвинения. Касаясь своего выступления в Московской областной партийной школе, он подчеркивал: «Ни одного слова в защиту Минца ни в этом, ни в каком-либо другом выступлении никогда сказано не было. Напротив, в своем выступлении в Областной школе я говорил о вредной монополии Минца. Я утверждал, что Минц ориентировался на отсталых слушателей и читателей»⁵⁶. Городецкий обвинял доцента Дацюка в клевете и требовал для него партийного взыскания.

В ответ на письмо партийный комитет ВПШ сформировал комиссию в составе Е. Н. Анисимовой, А. Н. Зайкиной и О. М. Лукашовой для проверки заявления Городецкого. Выводы комиссии звучали как приговор. Проверка лекционных курсов историка показала, что им было допущено чрезвычайно много ошибок: «1. ...Совсем отсутствует указание на то, что в конце XIX и начале XX вв. центр революционного движения пролетариата переместился в Россию... 2. Ленинизм в ряде случаев показывается... не как высшее достижение..., а как национально ограниченное, чисто русское движение... 3... крайне неполно освещается... II съезд РСДРП... 4. Целые разделы... представляют собой не историю народов СССР, а историю самодержавия... 5. Не показаны протесты рабочих против антиеврейских погромов... 6. Русская культура представляется неполно... 7. Неправильно освещает экономику России в послереформенный период, изображая Россию как страну абсолютно отсталую во всех отношениях...»⁵⁷. На основе выводов комиссии 6 мая партийный комитет постановил, что критика в сторону Городецкого является оправданной; его поведение расценили как «попытку противодействовать справедливой критике»⁵⁸. С такими идеологическими ошибками преподавать в партийной школе было нельзя. Его отстранили от чтения лекций. Становилось очевидным, что сопротивление бесполезно.

Последней попыткой стало письмо на имя Г. М. Маленкова. Вероятно, оно осталось без отве-

та, потому что в июне историк написал еще одно письмо (уже на имя Д. Т. Шепилова)⁵⁹, где просил обратить внимание на его положение. Ответом было молчание.

Ко всему прочему на Городецкого поступил донос, в котором утверждалось, что тот помогал брату историка И. Э. Разгона — Л. Э. Разгону, осужденному в 1937 г. Городецкий якобы на бланке Отдела пропаганды написал ему рекомендацию, где просил устроить на работу по исторической специальности. Ефим Наумович, естественно, это отрицал⁶⁰. Затем последовало обвинение в идеологических ошибках, допущенных при составлении сборников документов, посвященных советской истории. На этом эпизоде следует остановиться подробнее, поскольку он прекрасно иллюстрирует не только суть проходившей кампании, но и принципы археографической работы в 1930–1940-е гг. при публикации исторических документов советского периода.

Городецкий отчитывался письменно. Первым подвергся критике сборник «Документы Великой пролетарской революции» (1938). Составителями сборника являлись Городецкий и Л. Э. Разгон, редактором — Минц. Ефим Наумович подробно описывал принципы работы коллектива. Так, из 540 документов Военно-революционных комитетов 30 оказались подписаны лицами, впоследствии объявленными врагами народа: «Документы были опубликованы со снятыми подписями»⁶¹. В отдельных случаях фамилии убирались, некоторые документы изымались. Но сам факт появления документов, подготовленных врагами народа, вызвал пристальное внимание органов безопасности. Городецкий каялся: «Вместо критического отношения к документу, тщательного их отбора и проверки, у меня было известное преклонение перед архивным документом»⁶². Впрочем, этот «недостаток» был списан на И. И. Минца, который «не дал нужного направления» и не помог «начинающим научным работникам»⁶³. Городецкий признал, что «допустил засорение сборника политически вредными материалами»⁶⁴.

Следующим обсуждали 1-й том сборника «Документы по истории Гражданской войны»⁶⁵. Нарекания вызвало то, что документы в разделах были расположены в хронологическом порядке

⁵⁹ АРАН. Ф. 2055. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Л. 1.

⁶¹ Там же. Ед. хр. 73. Л. 2.

⁶² Там же. Л. 3.

⁶³ Там же. Л. 4.

⁶⁴ Там же. Л. 8.

⁶⁵ Опубликовано в 1941 г.

⁵⁶ АРАН. Ф. 2055. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 3.

⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 632. К. 21. Ед. хр. 2. Л. 136.

⁵⁸ Там же. Л. 133.

и работы В. И. Ленина и И. В. Сталина оказались не первыми. «Такое слепое следование за датами было проявлением ложно понятой научности, дурного академизма. Не только главы, но и все разделы сборника следовало открывать ленинскими и сталинскими документами»⁶⁶. Кроме того, несомнительно были включены белогвардейские и зарубежные источники. «Публикация этих документов является ошибкой»⁶⁷.

Сборник «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине» (1942) вызвал критику из-за того, что в нем были опубликованы немецкие источники. Городецкий оправдывал это тем, что «необходимо было показать... зверский режим насилия и грабежа, установленный оккупантами на Украине»⁶⁸. А свое участие в сборнике историк вообще отрицал, доказывая, что его имя включили в число составителей без его ведома. Заявление заканчивалось фразой: «Я глубоко осознал свою вину..., постараюсь исправить ошибки»⁶⁹. Впоследствии Городецкий подчеркивал: несмотря на определенные достижения в археографии советского периода, культ личности Сталина негативно сказался на публикации архивных документов⁷⁰.

Несмотря на проработки, Е. Н. Городецкий остался на историческом факультете МГУ, но дол-

гое время его работы не печатались (впрочем, как и работы других членов «группы Минца»). Сам Минц был «сослан» заведовать кафедрой в Московский педагогический институт; И. Э. Разгона отправили в Томск, где он создал собственную школу. Почему не выслали в какой-либо провинциальный вуз Городецкого, можно только гадать. Вероятно, потому, что он не был непосредственным участником «группы Минца», а только «покрывал» ее. Может быть, сыграла роль и его активная защита. Но скорее всего были и другие причины.

История с Е. Н. Городецким позволяет сделать одно важное заключение: не все подвергшиеся проработкам, превращались в деморализованных жертв. Многие (вспомним А. М. Некрича, А. и Я. Гуревичей и др.) начинали по-новому оценивать окружающую реальность. Описанные события развеяли существовавшие у историка иллюзии в отношении сталинской действительности. Если в 1930-е гг. Городецкий еще верил в политику Сталина, то позднее он перешел на антисталинские позиции⁷¹. Судьба Городецкого — это типичная судьба представителя советской партийной и научной элиты. Во время послевоенных идеологических кампаний советская система отчетливо показала, что для нее нет неприкосновенных и старые заслуги не учитываются. Произшедшие события заронили в души людей не только страх, но и желание изменить систему, сделать ее более предсказуемой и безопасной. Именно они стали опорой последовавшей после смерти Сталина относительной либерализации строя.

⁷¹ Покровский А. С., Лавров В. М. Диалог об учителе (Памяти Е. Н. Городецкого) // Кентавр. 1993. № 6. С. 113.

⁶⁶ АРАН. Ф. 2055. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 12.

⁶⁷ Там же. Л. 13.

⁶⁸ Там же. Л. 20.

⁶⁹ Там же. Л. 24.

⁷⁰ Покровский А. С. Е. Н. Городецкий как археограф и источниковед истории Великого Октября (К 80-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1987 г. М., 1988. С. 166.

Список литературы:

1. Булыгина Т. А. Общественные науки в СССР 1945–1955 гг. М., 2000.
2. Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.
3. Костырченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009.
4. Лельчук В. С. Уроки Городецкого (к 90-летию со дня рождения) // Отечественная история. 1997. № 1.
5. Лавров В. М. Ученый, наставник, человек (Чтения памяти Е. Н. Городецкого) // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.
6. Лейбович О. Л. В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции. М.: РОССПЭН, 2008.
7. Покровский А. С., Лавров В. М. Диалог об учителе (Памяти Е. Н. Городецкого) // Кентавр. 1993. № 6.
8. Покровский А. С. Е. Н. Городецкий как археограф и источниковед истории Великого Октября (К 80-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1987 г. М., 1988.
9. Поляков Ю. А. Это называлось борьбой с космополитизмом (1949) // Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999.
10. Сидорова Л. А. Внешнеполитический фактор развития советской исторической науки в середине XX века // Раздвигая горизонты науки. К 90-летию академика С. Л. Тихвинского. М., 2008.

11. Сонин А. С. Борьба с космополитизмом в советской науке. М., 2011.
12. Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.
13. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999.
14. Тихонов В. В. Московские историки первой половины XX века: научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М., 2012.

References (transliteration):

1. Bulygina T. A. Obshchestvennyye nauki v SSSR 1945–1955 gg. M., 2000.
2. Dubrovskiy A. M. Istorik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.). Bryansk, 2005.
3. Fateev A. V. Obraz vruga v sovetskoj propagande. 1945–1954 gg. M., 1999.
4. Kostyrchenko G. V. Stalin protiv «kosmopolitov». Vlast' i evreyskaya intelligentsiya v SSSR. M., 2009.
5. Lel'chuk V. S. Uroki Gorodetskogo (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya) // Otechestvennaya istoriya. 1997. № 1.
6. Lavrov V. M. Uchenyy, nastavnik, chelovek (Chteniya pamyati E.N. Gorodetskogo) // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1994 g. M., 1996.
7. Leybovich O. L. V gorode M. Ocherki sotsial'noy povsednevnosti sovetskoj provintsii. M.: ROSSPEN, 2008.
8. Pokrovskiy A. S. E. N. Gorodetskiy kak arkheograf i istochnikoved istorii Velikogo Oktyabrya (K 80-letiyu so dnya rozhdeniya) // Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1987 g. M., 1988.
9. Pokrovskiy A. S., Lavrov V. M. Dialog ob uchitele (Pamyati E. N. Gorodetskogo) // Kentavr. 1993. № 6.
10. Polyakov Yu. A. Eto nazyvalos' bor'boy s kosmopolitizmom (1949) // Polyakov Yu. A. Istoricheskaya nauka: lyudi i problemy. M., 1999.
11. Sidorova L. A. Vneshnepoliticheskiy faktor razvitiya sovetskoj istoricheskoy nauki v seredine KhKh veka // Razdvigaya gorizonty nauki. K 90-letiyu akademika S. L. Tikhvinskogo. M., 2008.
12. Sonin A. S. Bor'ba s kosmopolitizmom v sovetskoj nauke. M., 2011.
13. Yurganov A. L. Russkoe natsional'noe gosudarstvo. Zhiznenny mir istorikov epokhi stalinizma. M., 2011.
14. Tikhonov V. V. Moskovskie istoriki pervoy poloviny XX veka: nauchnoe tvorchestvo Yu. V. Got'e, S. B. Veselovskogo, A. I. Yakovleva i S. V. Bakhrushina. M.: IRI RAN, 2012.